

ЗЫРЯНЕ.

(**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТЪ.**)

Зыряне, числомъ до 200,000 обоего пола, живутъ нынѣ осѣдло въ сѣверо—восточныхъ уѣздахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. Въ какое время они поселились здѣсь и гдѣ обитали ранѣе—положительно неизвѣстно. Какъ пародъ, неознаменовавшій своего существованія никакими историческими памятниками и наслѣдовавшій отъ предковъ и грубые нравы, и вѣковыя предрасудки, и мирную беспечность невѣжества,—Зыряне не имѣли историка, который передалъ бы намъ первобытное ихъ состояніе, постепенное развитіе, значеніе между народами сосѣдственными, и самыя условія общегитія. Неимѣніе историческихъ данныхъ причиною того, что происхожденіе Зырянъ осталось и до сихъ поръ загадочнымъ; не подтвержденное достовѣрными фактами, а основанное на темныхъ разногласныхъ преданіяхъ, оно, вѣроятно, вмѣстѣ съ письменностію Зырянъ, затеряно въ вѣкахъ минувшихъ. Безпристрастный историкъ, желая раскрыть истину въ этомъ важномъ процессѣ, не иначе можетъ доискаться ея, какъ только по филологіи языковъ сѣверныхъ, критически сличая ихъ формы, потому что Зыряне,—какъ увидимъ далѣе,—искони населяли сѣверъ Россіи и сѣверо—западъ Сибири:—такъ сначала обширно было это, нынѣ почти угасающее, поколѣніе!—Мнѣнія ученыхъ, писавшихъ о происхожденіи Зырянъ, противорѣча одно другому, очень мало поясняютъ это

темное мѣсто въ исторіи народа, какъ имѣющія основаніемъ однѣ догадки и предположенія, лишенныя строгой вѣроятности. (*) Согласить противорѣчія писателей мы не беремся: это заняло бы довольно мѣста въ тѣсныхъ предѣлахъ нашихъ замѣтокъ и на много отвлекло бы насъ отъ изложенія собственнаго мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.

Появленія Зырянъ въ историческомъ мірѣ нельзя опредѣлить съ хронологическою точностію. Древній нашъ лѣтописецъ Несторъ, перечисляя племена, населявшія въ его время сѣверъ Россіи, нигдѣ не говоритъ о Зыряпахъ. Въ лѣтописи его читаемъ: “ а ее суть иныи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Муромъ, Черемись, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печора, Ямъ, Угра или Югра, Литва, Зимогола, Корсь, Нарова, Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ. ” (**) Вѣроятно, Зыряне извѣстны были тогда подъ однимъ изъ этихъ племенъ: Заволочскою Чудью, Пермью, Югрою и Печорою (потому что большая часть мѣстъ и самыя рѣки, близъ которыхъ жили эти сосѣдственныя и безъ всякаго сомнѣнія, родственныя племена, носятъ Зырянскія названія),—и тѣмъ ближе подъ именемъ послѣдней, что нынѣ нѣтъ народа Печерскаго, и что по рѣкѣ Печорѣ съ давнихъ временъ обитаютъ Зыряне. Новгородская вольница—ушкуйники еще до X вѣка посѣщали мѣста, занимаемыя этими племенами; изъ хартій Новгородскихъ посадниковъ видно, что Печорой они

(*) Г. Булыгинъ, Профессоръ Казанскаго Университета, полагаетъ Зырянъ выходцами съ Кавказа (Ж. М. Н. П. 1836 г.); Шафарикъ въ Слав. народописаніи говоритъ, что они отрасль Чуди.

(**) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайш. повел. Археографич. Коммиссіею.

называли всё земли, лежащія въ нынѣшнихъ уѣздахъ — Устьсольскомъ, Яренскомъ, и отчасти въ Сольвычегодскомъ, т. е. всё тѣ земли (кроме послѣдняго), гдѣ нынѣ преимущественно живутъ Зыряне.

Не вдаваясь въ произвольныя гипотезы о происхожденіи Зырянъ, мы, чтобъ осязательнѣе доказать справедливость нашего мнѣнія, обратимся къ вѣкамъ давно минувшимъ; бросимъ критическій взглядъ на древнѣйшую географію пустынного сѣвера Россіи. — Лейбницъ, Байеръ, Тунманъ, Гроцій и другіе историки, основываясь на Латинскихъ и Греческихъ писателяхъ, населяютъ его въ глубокой древности Финнами. Гердеръ и Клапротъ утверждаютъ, что этотъ народъ за долго до Р. Х. обиталъ уже въ Россіи, въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Уральскому хребту, откуда былъ вытѣсненъ Готами, и разсѣявшись отъ Урала на западъ и сѣверъ, приближался болѣе и болѣе къ послѣднему, гдѣ, свыкшись съ суровостію климата, жилъ беззаботно, занимаясь звѣриною ловлею. Тацитъ говорить: „Финны обитаютъ въ сосѣдствѣ съ Венетами, въ полунощной Европѣ; не имѣютъ ни домовъ, ни коней, ни оружія; рыба, коренья и травы служатъ имъ пищею, а звѣриныя кожи одеждою; они угрюмы и беспечны; не столько боятся гнѣва боговъ, сколько рабства и неволи: счастливая независимость есть рѣдкое и единственное ихъ благо въ мірѣ.„ Этотъ нравоописательный очеркъ Финновъ, за столько вѣковъ сдѣланный Тацитомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ живо характеризуетъ кореннаго Зырянина, что этотъ послѣдній кажется не побочнымъ потомкомъ, а болѣе роднымъ братомъ Тацитовскимъ Финнамъ, — такъ мало подвинули Зырянина впередъ цѣлыя столѣтія. Очень естественно, что Финны, расселившись на такомъ великомъ пространствѣ, можетъ быть вслѣдствіе бурныхъ переворотовъ и междоусобныхъ браней, раздѣлились на разныя племена,

которыя, еще подраздѣлившись, пустили отъ себя мелкія отрасли; но какъ тѣ, такъ и другія удержали основныя формы кореннаго языка, не измѣнили нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ. Сравнивая языки Зырянъ и Финновъ, дѣйствительно, мы замѣчаемъ, поразительное сходство въ словахъ того и другаго, и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ, что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собой. Доказать же это родство очевидными фактами, историческими указаніями, для насъ нѣтъ возможности, потому что для этого необходимо прослѣдить всѣ народы, обитавшіе на сѣверѣ Европы и Азии, сравнить ихъ по языку, образу жизни, нравамъ, обычаямъ и другимъ отношеніямъ. Предоставляя этотъ важный трудъ людямъ съ глубокимъ знаніемъ и многоразличными средствами, позволимъ себѣ одно предположеніе, основанное на филологіи, и для того обратимся къ языку Зырянъ, и въ особенности къ названію, подъ коимъ они вообще извѣстны и *какое* сами даютъ себѣ въ отличіе отъ прочихъ народовъ. Исторія указываетъ, что сѣверъ Россіи и Сибири былъ населенъ многими разноплеменными народами, происшедшими отъ Финновъ; но о ближайшемъ сродствѣ этихъ племенъ не предлагаетъ она положительныхъ данныхъ. При такомъ недостаткѣ средствъ къ изслѣдованію происхожденія народовъ, самое лучшее пособіе, хотя слабое, филологія.

Нарицательное “Зыряне, „—неизвѣстно кѣмъ и въ какомъ смыслѣ данное народу,—если разобрать его этимологически, можетъ повести къ разнымъ толкамъ о минувшей судьбѣ этого племени. *Глаголы:* “зырни и зыренины, значать: тѣснить, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другаго. Отсюда заключаемъ, что Зыряне были или вытѣснены, прогнаны откуда—то и кѣмъ-то, или же сами кого нибудь вытѣснили и заняли его мѣста, и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили названіе, оста-

вишеся при нихъ до нынѣ: вытѣсненныхъ или же вытѣснившихъ. Последнее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе, потому что первобытные жители губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской назывались Чудью, вытѣснивши которую, Зыряне заняли ея мѣсто. (*) Въ глубокой древности Біармія или Пермь, которую составляли эти губерніи, по свидѣтельству Отера, Норвежскаго мореходца, приплывшаго въ IX вѣкѣ къ устью С. Двины, была населена уже разными племенами народовъ, корнемъ которыхъ онъ утвердительно называетъ Финновъ. Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра и Печора платили дань Новгородцамъ, — этимъ смѣлымъ и предприимчивымъ въ древности искателямъ славы и богатства. На берегахъ Двины въ это время, по сказанію Исландцевъ, существовалъ богатый торговый городъ — *Гольмгардъ*, славный по ярмаркѣ, на которую пріѣзжали купцы Скандинавскіе и Новгородскіе. Въ Гольмгардѣ Норвежскіе купцы Тореръ и Карлъ, посланные для торговли въ Біармію самимъ королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали Финскаго идола *Юмалу*. Названіе этого божества чисто Зырянское; по *Зырянски* Юма значитъ старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ извѣстно, это карающее, грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотятъ указать на злую, безобразную старуху: *юма баба, кодь модъ* » — сердита, зла, какъ юма. Очень можетъ быть, что до принятія Христіанской вѣры, Зыряне боготворили идола Юмалу, — въ чемъ убѣждаетъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а одинакая вѣра, выражающаяся въ почитаніи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племенъ, хотя разныхъ названій, даетъ весьма близкое понятіе о ихъ сродствѣ.

(*) Двинской лѣтописецъ и Шафариково Славянское зародописаніе.

Зыряне сами себя называютъ: *Коми, Коми—мортъ и Коми—войтыръ*; послѣднее названіе употребляется тогда, когда говорится обо всемъ народѣ, а первыя два при обозначеніи одного лица. Кто ты?—спросите Зыряннина; онъ отвѣтитъ: ме Коми или Коми—мортъ; а отъ чего онъ такъ себя называетъ и какъ переводится слово Коми по Русски,—ни одинъ не объяснить этзго. На языкѣ ихъ такого слова нѣтъ, или значеніе его утрачено. Многіе, основываясь на одномъ только созвучіи, производятъ его отъ Камы (рѣки въ Пермской губ.) и отсюда предполагаютъ, что Зыряне жили прежде по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими—то пришельцами.... Не Болгарами—ли? Известно, что Камская Болгарія занимала юго—восточные предѣлы нашего гесударства. Но эта гипотеза совершенно уничтожается значеніемъ словъ Коми—войтыръ, которыя выражаютъ собой не собственное имя народа, а мѣсто, занимаемое послѣднимъ. *Вой*—ночь, сѣверъ, а *тыръ*—нар дъ; ближайшее значеніе словъ Коми—войтыръ будетъ: Пермскій народъ, обитающій въ холодномъ климатѣ, наполняющій сѣверный край. Такимъ образомъ слова: ме Коми, Коми—мортъ, и Коми войтыръ мы переводимъ—я Пермякъ, Пермякъ—человѣкъ и Пермскій народъ, и при этомъ ссылаемся на до то вѣренные факты, свидѣтельствующіе, что по Камѣ, во время Нестора, обитало многочисленное племя—Пермь, остатокъ котораго, подъ именемъ Пермяковъ, населяющій сѣвер. часть Пермской губерніи, называютъ себя Коми или Коми—мортъ. Зыряне всю Пермскую губернію называютъ *Комму*—Пермская область, земля; отсюда, думаемъ, надобно производить названіе Коми, даваемое себѣ Зырянами. Нынѣшніе Пермяки въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ Зырянами; въ разговорѣ, однакожъ, мало понимаютъ другъ друга, хотя въ языкѣ обоихъ народовъ есть много словъ, выражающихъ одни и тѣже понятія;

причиной этому значительное пространство, ихъ раздѣляющее, и рѣдкія сообщенія между собою. Слѣдовательно имена-Зырянинъ и Пермскъ, соединяющіяся въ названіяхъ Коми, Коми-мортъ и Коми-войтыръ, тождественны; въ Вятской губерніи и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ, дѣйствительно Зырянъ называютъ Пермяками, по сходству нарѣчій этихъ народовъ.

Зырянскія названія рѣкъ и деревень, находящихся въ сѣверной Европѣйской и Азіатской Россіи, прямо наводятъ на мысль, что Зыряне прежде были многочисленны. Сюда по этимъ названіямъ, во множествѣ встрѣчаемымъ какъ на сѣверо—востокъ Россіи, такъ и на сѣверо—западѣ Азіи, Зыряне населяли отъ сѣвера къ югу всѣ мѣста отъ устья рѣки Печоры до начала сѣв. Двины и даже по Сухонѣ, а отъ запада на востокъ—отъ Колы до восточныхъ границъ Сибири. Столь огромное пространство, ими занимаемое, и отъ того, естественно, рѣдкія между собою сообщенія, способствовали подраздѣленію ихъ на мелкія племена, изъ коихъ называемъ Вогуличей, Вотяковъ, которыя со временемъ, удалившись отъ своего кореннаго языка, стали забывать его основныя формы, отличаться одинъ отъ другаго въ названіи предметовъ, небывалыхъ до толѣ въ ихъ быту. Это подраздѣленіе даетъ поводъ ко мнѣнію, что мелкія племена, живя отдѣльно, и не имѣя ни какого понятія о гражданственности, часто ссорились, тѣснили другъ друга; глаголы Зырны и Зырсины служатъ опорою предположенія, что распри, вообще свойственныя народамъ грубымъ, были главною причиною утраты тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается первоначальная исторія каждаго народа. До сихъ поръ не найдено еще ни одного источника, который сколько—нибудь раскрылъ—бы первобытное состояніе Зырянъ. (*)

(*) Всматриваясь наблюдательнымъ взглядомъ въ типичность лицъ и характеръ народонаселенія сѣверо-западной и сѣверо—вс-

На страницахъ исторіи народъ подъ именемъ *Зырянъ* является въ половинѣ XIV стол., когда св. Стефанъ началъ проповѣдывать имъ истинны Христіанской религіи. Они жили тогда охотливо, занимались земледѣліемъ, звѣриными и рыбными промыслами, и, бывъ зависими отъ Новгорода, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань пушными товарами, богатствомъ которыхъ эти города прежде такъ славились. Отважныя шайки Новгородскихъ ушкуйниковъ, еще до временъ Рюриковыхъ,—какъ полагають нѣкоторые,—завоевали большую часть мѣстъ, принадлежавшихъ Зырянамъ, куда привлекло ихъ изобиліе дорогой рухляди и самая дешевизна туземныхъ товаровъ. (*) Въ началѣ XI вѣка они обложили данью обитателей по р. Печорѣ и народъ Югорскій, а въ 1193 г. ходили въ Угрію съ многочисленною дружиною,

сточной части Вологодской губерніи, невольно видишь въ первой изъ нихъ чистыхъ потомковъ обитателей побережья Финскаго залива:—таже бѣлизна тѣла съ свѣтло-блѣкурыми волосами, таже медленность и спокойствіе въ словѣ и движеніяхъ, таже мягкость и добродушіе нравовъ; напротивъ же въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ постоянно встрѣчаются типы съ рѣзкими проявленіями особенностей Монгольскаго племени: смуглыя лица, черные какъ смоль волосы, упрямый и настойчивый характеръ.

Посему трудно согласиться, что бы населеніе обѣихъ этнхъ мѣстностей были потомствомъ одной и той же древней Чууди, были отраслями одной и той же народности;—скорѣе можно допустить предположеніе автора, что Зыряне, — пришельцы съ юга,—вытѣснивъ Финновъ, поселились среди нихъ и за тѣмъ съ теченіемъ времени, усвоивъ обычаи и смѣшавъ языкъ, слились съ ними и составили новое общее племя. На этомъ основаніи для точнаго опредѣленія происхожденія Зырянъ необходимо было бы изслѣдованіе не только филологическое, но и этнографическое,—быть можетъ тогда и этимологія] и самый] черепъ зырянъ доказалъ бы, что они—не Финскаго поколѣнія, отрасль. *Отъ Редакціи*

(**) Записки Лепехина, Т. IV, и Крестина: Начертаніе исторіи Холмоторъ.

подъ начальствомъ воеводы Андрея, за серебромъ и соболями, — обыкновенною данью, которую несправно платили Князья Югорскіе. (*) Этотъ походъ Новгородцевъ замѣчателенъ тѣмъ, что они шли въ Угрію по новой дорогѣ, еще въ 1093 г. проложенной Зырянами, которая и называлась Зырянскою; она шла вдоль *Волуки* до *Сойвы* и служила сообщеніемъ между народами сѣверо — восточной Россіи и Сибири. (**) Эта дорога важна въ исторіи Зырянъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговлѣ ихъ съ народами Сибирскими. Великіе князья Московскіе, начиная съ І. Д. Калиты, постоянно обращались къ Новгородцамъ съ требованіями добровольно дѣлиться сокровищами Перми и Сибири, и когда получали отказъ, то вооруженною рукою, хотя и не всегда успѣшно, принуждали ихъ уступать часть дани, собираемой въ Заволочѣ, Печорѣ и Угрѣ: потому что казна великокняжеская, истощаемая частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, была слишкомъ бѣдна, по стеченію бѣдственныхъ обстоятельствъ государства. Д. І. Донской, то хитрою политикою, то оружіемъ, привелъ Новгородъ со всеѣми его обширными завоеваніями въ зависимость отъ Москвы, и съ сего времени Зыряне были данниками болѣе Москвы, чѣмъ Новгорода. Москва, довольная пушными товарами, исправно ими платимыми, не принуждала ихъ къ перемѣнѣ вѣрованія.

Въ XIV стол. Монахъ Ростовскаго Григорьева монастыря Стефанъ, сынъ соборнаго Устюжскаго причетника, воспламенился ревностію быть Анастоломъ этихъ идолопоклонниковъ. Чтобъ яснѣе и вразумительнѣе передать имъ истины христіанской вѣры, онъ, готовясь на трудный апостольскій подвигъ, сначала изучилъ

(*) Путешествіе Палласа. Ч. III, стр. 572.

(**) Новгородскій лѣтописецъ и полное собраніе Рус. лѣтописей, изд. по Высоч. повел. Археограф. Коммиссіею.

языкъ Зырянь, составилъ для него особенную азбуку и перевелъ нѣсколько важнѣйшихъ Богослужебныхъ книгъ. Сперва, приготовивъ самого себя для проповѣди Слова Божія, Стефанъ отправился въ Москву просить благословенія на подвиги у Коломенскаго Епископа Герасима, правившаго тогда Московской Митрополіею, который провидя въ немъ просвѣтителя Перми, снабдилъ его, на случай освященія церквей, частицами мощей святыхъ, муромъ и антиминсами,—а В. Князь Димитрій Іоанновичъ далъ ему для безопасности охранныю грамоту. Нанутствуемый благодатію Божіею, сей новый Апостолъ вскорѣ достигъ земли Пермскія (1376 г.), и остановился въ первомъ Зырянскомъ селеніи Пырась (Котласъ), при впаденіи Вычегды въ Сѣв. Двину, въ 20 вер. отъ Сольвычегодска, гдѣ “и нача, яко овча по средѣ волковъ, посредѣ рода стропти-
“ва и развращенна ходити и проповѣдати Христа, истиннаго Бога, и
“учити Христовой вѣрѣ.” Въ началѣ нѣкоторые, слыша вѣру, проповѣдуемую на родномъ языкѣ, и признавая ее истинною, приняли св. крещеніе; но многіе, привязанные къ язычеству, и удерживаемые болѣе хитрою лестію чародѣевъ, не только отвергли его проповѣдь, “но и пакости ему творяху многіа: овѣ бо ругахуся
“ему, овѣ же словеса укоризненными досаждаху, а инші съ
“дрекольми нападаху на него, во еже убити его, друзи же соже-
“ши того хотяху, хвастіе же и солому собираху на огонь,”... Но Богъ хранилъ проповѣдника на просвѣщеніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ невѣжества не понимали своего заблужденія. Укрѣпляемый въ доблестномъ подвигѣ невидимою небесною помощію, Св. Стефанъ съ устья Вычегды перенесъ свою проповѣдь на устье Выми,—въ самый центръ тогдашняго Зырянскаго края, въ средину всей Біарміи. Здѣсь ревностный обличитель идолопоклонства долго боролся съ грубыми предразсудками народа; наконецъ укротивъ его дикія страсти силою Свѣта Божественнаго, присоединилъ

многихъ къ православію. съ одной стороны познавъ ложность языческихъ боговъ, съ другой—могущество истиннаго Бога, они презирали идоловъ и увеличивали число вѣрныхъ, принявшихъ уже крещеніе. Такъ знаменіе вѣры восторжествовало надъ волхвованіемъ, и алтари Богу Всемогущему явились на развалинахъ идольскихъ капищъ. Первая церковь, созданная Стефаномъ, была на устьѣ Выми, впадающей въ Вычегду въ 70 верстахъ отъ Устьенсольска внизъ по Вычегдѣ, при коей въ послѣдствіи, по образованіи Пермской епархіи, былъ устроенъ монастырь, гдѣ имѣли мѣсто: пребываніе Великопермскіе Архіереи. Эту церковь онъ освятилъ во имя Пресвятыя Богородицы, “честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, въ “начатокъ просвѣщенія земли Пермскія, якоже и Благовѣщеніе “спасенія нашего бѣ начало.”(*) Неутомимо заботясь о духовномъ преусиѣніи юной паствы, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ, училъ юношество часослову, псалтири и прочимъ церковнымъ книгамъ, переведеннымъ на Зырянскій языкъ. Въ этой школѣ, для прочнаго утвержденія народа въ вѣрѣ, онъ образовалъ пастырей и учителей изъ самихъ Зырянъ, которые уже въ его время правили словеснымъ стадомъ, ибо богослуженіе, для легчайшаго уразумѣнія истинъ православной вѣры, отправлялось на Зырянскомъ языкѣ. Преданіе говоритъ, что Стефанъ сочинилъ заупокойную обѣдню

(*) Въ XVI в. монастырь упраздненъ и церковь обращена въ приходскую. У крестьянъ Устьвымскихъ есть преданіе, что первая церковь, созданная Стефаномъ, была основана престоломъ на шибъ необыкновенной величины березы, которой предки ихъ будто бы поклонялись и приносили въ жертву дорогіе мѣха. Митрополитъ Евгений, кажется, справедливо замѣчаетъ, что этотъ пень былъ остатокъ огромной ели, потому что Зыряне своихъ предковъ—язычниковъ и нынѣ называютъ “козъ—лы—юрбатысьясъ,”—ельниками. Извѣстно, что бѣлка и другіе мелкіе звѣри питаются зернами еловыхъ шишекъ, и чѣмъ больше бываетъ урожай ихъ, тѣмъ болѣе плодятся звѣри; слѣд. еловое дерево приносило счастье звѣроловамъ.

съ панихидой, (*) — какъ надобно догадываться, — для успокоенія душъ тѣхъ усопшихъ братій, которые бывъ просвѣщены Христіанскою вѣрою, снова прельщенные волхвами, отступили, отъ православія, и, современемъ, опять были приобщены къ стаду Христову. Неудивительно, что Зыряне и по принятіи Христіанства питали нѣкоторую привязанность къ идоламъ: какъ народъ дикій, они не могли вдругъ оставить языческихъ обыкновеній, которыя лѣстили ихъ любимымъ привычкамъ, и тайнѣ молили тѣхъ идоловъ, которые прежде, — какъ были увѣрены, — помогали имъ въ ловлѣ звѣрей, птицъ и въ общежитіи. Св. Стефанъ зналъ эту склонность новообращенныхъ сыновъ къ кумирамъ, и, предавъ себя волѣ Божіей, рѣшился истребить ихъ совершенно. Не страшась мести волхвовъ и закоренѣлыхъ язычниковъ, онъ съ нѣсколькими изъ вѣрныхъ въ скорое время сжегъ кумирницы, идоловъ и даже богатыя жертвы, которыми такъ щедро были украшены послѣдніе. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ прежнихъ боговъ, но въ душѣ питалъ къ нимъ уваженіе и страхъ; да и самые чародѣи, потерявъ съ введеніемъ христіанской вѣры выгоды и расположеніе народныхъ умовъ, болѣе и болѣе старались поддерживать грубое суевѣріе собратій. Они съ горестію противали слезы на пепелищѣ кумировъ, но не смѣли поднять руки на человѣка Божія, сколько изъ боязни за смерть мужа, имѣвшаго грамоты отъ В. Князя, столько же и обезоруживаемо

(*) Академикъ Лепехинъ, нашелъ у Зырянъ, въ Устьемсольскомъ уѣздѣ, переводъ только Златоустовской обѣдни, писанной славянскими буквами, и напечаталъ его вмѣстѣ съ прочими Зырянскими особенностями въ III ч. своихъ записокъ. Этотъ переводъ обѣдни не полонъ; въ немъ не достаетъ ни проскомидіи, ни тайныхъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ. Языкъ этой обѣдни, говоритъ Лепехинъ, никто уже не разумѣлъ изъ Зырянъ, потому ли, что она переведена не на Зырянскую, а на коренной Пермскій языкъ, или зыряне, вѣроятно, отстали отъ своего древняго языка.

постоянною кротостію проповѣдника, смиреніемъ и самымъ образомъ его жизни: ихъ слезы были послѣднею данію идоламъ. По сожженіи кумировъ Св. Стефанъ имѣлъ преніе о вѣрѣ съ главою Пермскихъ чародѣевъ—Памомъ, “его же Пермстін людіе, прежде крещенія своего, почитаху паче всѣхъ волхвовъ, и имѣяху того яко отца и учителя и наставника, вѣрующіе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстей, . . .

Побѣжденный въ своихъ мудрованіяхъ и чарахъ, хитрый Памъ, желая утратить святаго, предложилъ послѣднее средство, одобренное народомъ: пройти вмѣстѣ сквозь огонь и воду, но и тутъ, посрамленный, едва не сдѣлался жертвою народной ярости. Тогда большая часть народа, кромѣ упорнѣйшихъ волхвовъ и язычниковъ, видя вѣру отцовъ своихъ поправленную, охотно приняли св. крещеніе, такъ что для утвержденія ихъ въ вѣрѣ недостаточно было одного пастыря, и самая церковь не могла вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ. Вскорѣ были построены новопросвѣщенными двѣ особы церкви, въ которыхъ поочередно отправляя Богослуженіе, Св. Стефанъ укрѣплялъ словесное стадо въ вѣрѣ, училъ благочестію, наставлялъ на добрыя дѣла. Приверженцы еувѣрія, говорить молва народная, удалились отъ проповѣди Стефана въ Удору и за р. Печору, и оттуда вмѣстѣ съ Вогуличами довраждали противъ Христіанъ, но недолго: при пріемникѣ Стефана, Епископѣ Исаакѣ, иноки Троицкой Печерской пустыни обратили ихъ въ христіанскую вѣру, просвѣтили всѣхъ Зырянъ, даже до Пустозерска, и положили основаніе Кеврольскому Воскресенскому монастырю, братія котораго обратили ко Христу жителей Пинежскаго уѣзда. (*)

(*) Исторія Россійской Іерархіи. Т. 1 и V.

Послѣ семи лѣтъ проповѣди, Стефанъ отиравился въ Москву (1383 г.) просить В. Князя и Митрополита, чтобъ дали Епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Возблагодаривъ Бога за пріобрѣтеніе новыхъ чадъ Церкви, Митрополитъ Пименъ, вмѣстѣ съ освѣщеннымъ Соборомъ, за апостальскіе труды хиротонисалъ во Епископа самого проповѣдника, а В. Князь, осыпавъ его милостями, съ богатыми дарами отиравилъ въ новую епархію. По прибытіи къ своей паствѣ, святитель, имѣя благодать другихъ посвящать для совершенія таинствъ, поставилъ избраннѣйшихъ изъ Зырянъ во іереи и діаконы, построилъ еще нѣсколько церквей съ училищемъ при каждой, создалъ 5 монастырей, (*) и, въ теченіи 13 лѣтъ своего епископства, заслужилъ исполнѣ имя отца и благодѣтеля народа Пермскаго: помогалъ ему въ нуждахъ; снабжалъ жизненными припасами; защищалъ отъ притѣсненій дикихъ сосѣдей (Вогуличей), новгородской вольницы и чиновниковъ великокняжескихъ; просилъ объ уменьшеніи налоговъ; былъ ихъ неуныннымъ стражемъ и миротворцемъ. Въ подтвержденіи этого приводимъ “плачь земли Пермскія о смерти проповѣдника,” написанный другомъ монахомъ его Епифаніемъ:

“Топерво остахомъ добра промысленника и ходатая, иже къ Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ Князю о жалобѣ нашей и о льготѣ, и о пользѣ нашей; къ болярамъ же, къ началамъ—властелемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплый, многажды избавляя ны отъ насилій и работы и тивунскыя про-

(*) Два въ Яренскомъ уѣздѣ: Устьвымскій и Архангельскій, и три въ Устьсысольскомъ: Отчинскій, Ульяновскій и Печорскій. Въ послѣдствіи, кромѣ Устьвымскаго, обращеннаго въ приходскую церковь, прочихъ монастырей даже и слѣдовъ не осталось. Въ настоящее же время вновь устранивается Ульяновскій монастырь, вызванною братією изъ Соловецкаго монастыря.

“дажи, и тяжкія дани облегчая ны. Но и сами тіи Новгородци, “укшуйници, разбойници, словесы его увѣщевани бываху, еже по “воевати ны Выхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ иноязыч- “никомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ Еретицы, ду- “чегубцы, разбойници, иноязычници Гогуличи (Вогуличи) насту- “паютъ; рать еретиковъ наступаютъ: а воеводы нѣсть, еже бы “ихъ порокомъ духовнымъ разшибалъ,” . . .

Не знаемъ, когда именно отмѣнено богослуженіе на Зырян-скомъ языкѣ; но извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка оно совер-шалось уже на Славянскомъ. Думаемъ, что это измѣненіе произо-шло или вслѣдствіе неполноты перевода богослужебныхъ книгъ, или во избѣжаніе недоразумѣній при совершеніи таинствъ, при исправленіи церковныхъ требъ, — или же, что кажется справедливѣе, для повсемѣстнаго однообразія: ибо издревле Богослуженіе совер-шалось у насъ на языкѣ Славянскомъ.

По обширности церкви Стефановой, которая заключалась въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи — Сольвычегодскомъ, Ярен-скомъ и Устьескельскомъ, должно предполагать, что число языч-никовъ, обращенныхъ въ Христіанство было весьма значительно. Въ современныхъ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко говорится объ основаніи Пермской церкви и еще тѣмъ менѣе о мѣстности Зырянъ; а позднѣйшіе историки не отыскивали слѣдовъ затерянныхъ вѣрованій, оставивъ потомству одни темныя преданія касательно прежней религіи Зырянъ. Этотъ любопытный фактъ объяснилъ бы много загадочныхъ мѣстъ язычества Зырянъ, еслибъ уцѣлѣли образцы ихъ письменности и самая азбука Зырянская не была утрачена. (*)

(*) Митрополитъ Евгеній говоритъ, что пожары, бывшіе въ цер-квахъ Устьескельскихъ, истребили много Зырянскихъ рукописей. Не-

Въ житіи Св. Стефана излагаются болѣе общія черты идолоклонства Зырянъ: тамъ говорится, что у нихъ были кумерницы, управляемыя чародѣями, куда преимущественно стекался народъ для поклоненія идоламъ, — но какаго рода были эти послѣдніе, ничего не объясняется. Почтеніе къ идоламъ было въ высшей степени, не смотря на ихъ многочисленность: не только въ домахъ, но и на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ усердные язычники ставили множество разнообразныхъ деревянныхъ и мѣдныхъ кумировъ, которымъ, порознь каждому, приписывали извѣстную силу дѣйствій, и приносили имъ въ жертву дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, лисицъ, выдръ, росомахъ и др. Эти приношенія считались собственностію идоловъ и, по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе. Никто не смѣлъ пользоваться ими, изъ опасенія лишиться благодѣяній кумировъ: нечаянно быть постигнутымъ лютою болѣзнію, или, — что всего несчастнѣе, — быть неудачнымъ стрѣлкомъ. Въ суевѣрныхъ преданіяхъ Зырянъ открываемъ слѣды грубаго язычества: поклоняясь идоламъ, они почитали и духовъ, имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, сильную власть надъ природою и человѣкомъ. Такъ, они вѣрили въ бытіе лѣсныхъ, домовыхъ, лѣсныхъ и водныхъ, описывая ихъ безобразными страшилищами, созданными на ужасъ человѣчеству; озерамъ и рѣкамъ приписывали нѣкоторую святость, омывая себя въ извѣстное время ихъ водами. — Однакожъ, въ самомъ безрасудномъ суевѣріи, Зыряне имѣли понятіе о Богѣ Вышнемъ, живущемъ на небесахъ, который, по ихъ понятіямъ, печется только о надзвѣздномъ мірѣ, люди же недостойны

большая часть этихъ рукописей и прочихъ древностей Зырянскихъ, по Высочайшему повеленію Императрицы Екатерины II-й, тщательно была собрана Вологодскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Мельгуновымъ, и отослана въ Эрмитажную бібліотеку.

возсылать къ нему своихъ молитвъ, но должны обращаться съ ними къ чадамъ его — духамъ и идоламъ, управляющимъ землею. Это непостижимое существо называли они общимъ именемъ “Ензъ”, не дѣлали изображеній его, не посвящали ему и кумирницъ, полагая, что смертные, одержимые всегда душою немощию, не могутъ имѣть съ нимъ сообщеній и въ нуждахъ обязаны относиться къ богамъ меньшимъ, которые, умиливляясь жертвами, всегда помогаютъ тому, кто добръ и честенъ въ мірѣ. Такимъ образомъ грубый умъ Зырянъ, блуждая во мракѣ невѣрія, имѣлъ самыя темныя понятія о божествѣ, и, почитая созданія рукъ — идоловъ, думалъ, что многочисленность ихъ въ состояніи защитить человѣка отъ грозныхъ судьбинъ, неотвратимыхъ никакою человѣческою мудростію!

Лѣтописи сохранили для насъ имена двухъ идоловъ Зырянскихъ, которые мало извѣстны народу даже по преданіямъ, и Зыряне отрекаются отъ нихъ: названіе одного изъ идоловъ чисто Зырянское, это — “Войнелъ”, — ночное ухо. (*) Можетъ быть, этотъ истуканъ считался бодрствующимъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ народа. Другой назывался: “Золотая Баба”, ему приписывали чудесную силу волхвованій (**). Идолъ “Іомалъ”, живѣе сохранился въ преданіяхъ народныхъ и, какъ замѣтили мы выше, Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, како бранное, или пугливое, устрашающее.

Языческіе религіозные обряды Зырянъ почти во все неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что совершеніе ихъ поручалось волхвамъ, пользовавшимся уваженіемъ суевѣрнаго народа за предсказанія въ будущемъ. Именемъ боговъ обуздывая своевольство гру-

(*) Грамота Митрополита Симона къ Пермязамъ.

(**) Новгородскій лѣтописецъ подъ г. 1398.

быхъ собратовъ, волхвы хитростію и богатствомъ пріобрѣтали надъ ними власть, которая тѣмъ была тягостнѣе для Зырянтъ, что они большую половину жертвъ употребляли въ свою пользу, и нерѣдко силой требовали новыхъ. Писатель житія Св. Стефана говоритъ, что Зыряне, наслѣдовавъ отъ предковъ простоту правовъ, не пользовавшись до введенія Христіанской вѣры выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченій вольности, строго соблюдали древніе обычаи и преданія, и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ благоразуміе и справедливость часто украшали дерзость и насиліе. Волхвовъ своихъ Зыряне не очень любили, скорѣе боялись и ненавидѣли;—ибо присвоенная ими власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на его собственность.
